

Новая русская художница

ВЕРНИССАЖ русской художницы Нади Певзнер, собравший очень много посетителей, как русских так и французов, состоялся у Бернгейм-Жен-Добервиль (27, авеню Матиньон). И на этом верниссаже неизвестной художницы продано уже три картины.

Интересна карьера этой артистки. Никогда ничему не училась, а переходила от одного жанра к другому, действуя по вдохновению. Это тем более редкость, что за что бы она ни бралась, она знала большую удачу.

Когда-то ее звали Надя Зелиг. Она делала искусственные цветы, продавала их в большие модные дома. Когда ей это надоело, она стала делать модели шляп. Самые знаменитые парижские модистки стали их у нее покупать. Но ей и это надоело, и она открыла свой театр, который, вероятно, помнят многие русские парижане: русский театр «Альбер Премье» на рю дю Рошэ, где сейчас театр Шарль де Рошфор. Было это в трицатых годах. Там с участием Нади Зелиг шли пьесы: «Певец своей печали», «Новый дом», «Зеленый цвет», «Дорога цветов», инсценированные рассказы Чехова и Тэффи. Это продолжалось пять лет. И — тоже надоело.

Надя Зелиг вышла замуж, стала Надей Певзнер. Под этим именем она меньше года тому назад стала художницей.

Она никогда не училась живописи, как не училась она ремеслу модистки или искусству актрисы. Однако, на ее долю выпала честь устроить свою первую выставку в одной из лучших галерей Парижа, у требовательного Бернгейма.

Писать картины ей хотелось давно. Живопись она очень любила. Всегда посещала многочисленные парижские выставки, следила за искусством, но начать писать самой как-то не хватало ни времени, ни уверенности в себе. Однако, любя музыку, в частности, Вагнера, Бетховена, Чайковского, Гершвина, ее стала преследовать мысль: как в красках и линиях передать музыку, подолгу звучащую в ее мозгу, в ее душе?

Надя Певзнер не делает предварительного рисунка на полотне. «Не умею!» — покорно признается она. Она наносит пятна масляными красками... и, работая то кистью, то ножом над этими пятнами, создает очень интересные картины.

Живопись ее разделяется на фигуративные и на абстрактные произведения. И те и другие всегда без мддели, просто «из головы».

Назову, для примера, ее красивые цветы на черном или зеленом фоне. Бой петухов в поле. Вокзал.

Абстрактные произведения, скажу откровенно, обыкновенно отталкивают меня. А у этой художницы притягивают. Взять, например, «Патетическую симфонию» Чайковского. Внизу темно-зеленая гладь; потом — желтое, переходящее в красное. Или голубые извивы «Рапсодии ин блю» Гершвина. Или «Парсифаль» — тонкие, из тьмы к свету, линии и спирали, в которых преобладает голубое, желтое и светло-красное.

А теперь, осенью, послав по совету своего знакомого, итальянского художника, другого «Парсифаля» (дерево, Грааль и кровь Христа) на выставку в Аркашон, где было выставлено около пяти-сот картин, она удостоилась премии города Бордо, присужденной ей 12-го сентября 1961 года.

Выставка открыта до конца месяца.

Нора Лидарцева

Р. S. — Внучка адм. Корнилова, М. Ильина, внесла кое-какие поправки в мою статью о кладбище в Пирее, и в первую очередь, что дед ее похоронен в Севастополе, а не в Пирее. Меня водил по русскому пирейскому кладбищу один из заведующих им. Остальные «поправки» г-жи Ильиной, видимо, относятся к сороковым годам, а теперь ведь годы шестидесятые...

Вот и часовню выстроили. Я в ней провела довольно много времени.

Я никогда не писала о высокой плате на пирейском кладбище. Только о том, что могилы — платные, тогда как в Афинах с бедных почти не берут платы.

Склепы на двадцать человек я сама видела. Вероятно, их в сороковых годах тоже не было.

Н. Л

Р.И. 25.11.61